

, 于物无不陷也。’或曰：‘以子之矛陷子之盾，何如？’其人弗能应也)。 (Вот притча, давшая ему жизнь: Торговец в оружейной лавке расхваливал свой товар. Желавших купить копьё он убеждал в том, что его копьё пробьёт любой щит. Желавшим же купить щит он говорил, что нет в мире копий, способных пробить его щиты. Один из покупателей поинтересовался: а что будет, если его щитами отражать его же копьё? Продавец не нашёлся, что ответить) [《韩非子 难一》]. В этой притче можно усмотреть ироническое отношение автора к попыткам достичь совершенства в чём-либо (в данном случае – в изготовлении щитов и копий). Если бы существовали совершенные щиты, то отпала бы нужда в копьях; если бы существовали совершенные копья, бесполезными стали бы щиты. Но ни те, ни другие не могут быть идеальными, поэтому они и существуют.

Следуя даосскому принципу «в каждом деле прозревать нечто вовек неосуществимое», 韩非 Хань Фэй призывает не прикладывать чрезмерных усилий к чему бы то ни было, ибо совершенство всё равно недостижимо: «Когда предметы доходят до крайней точки, они обязательно возвращаются обратно. Если смотреть с напряжением, глаза не видят ясно; если слишком вслушиваться, уши не слышат отчётливо; если чрезмерно размышлять и обдумывать, в знаниях появится хаос».

Подобный диалог культур позволяет, как нам кажется, сделать выводы о наличии в ментальном мире конкретного народа тех или иных идеологем, одни из которых могут получать статус доминант национального сознания, другие – интегративных элементов. В своей совокупности эти идеологемы формируют структуру ментального мира народа, от которой зависит тип данной культуры. А мысль о том, что фольклорные тексты – очень надёжный источник знаний о психологии народа, мы выразим языком пословиц: As the people, so the proverb (англ.); Todos los refranos son verdaderos (исп.), что означает (если мы объединим их в одну): «Каков народ, таковы и пословицы, а пословицы не врут».

А А Сафонова

ТЕМАТИКА МИКРОНАРРАТИВОВ СЕМЕЙНОГО РОДОСЛОВИЯ

Исследование корпуса материала в сочинениях на тему история моей семьи дает возможность пронаблюдать системное включение небольших по объему рассказов, отражающих те или иные события, сохранившиеся в семейных преданиях. Такие минирассказы В.К. Харченко предлагает называть биографемами, подчеркивая необходимость специального, отдельного их изучения [Харченко 2003: 29].

В свете известной типологии высказываний: повествование, описание, рассуждение – в текстах семейных родословных превалирует повествование, или нарратив в чистом виде. Специфический жанр семейных хроник наиболее полно отражает именно повествование: «.. Замечательная хозяйка, она прожила сто

три года, и даже когда ей было уже за девяносто. Она всегда пекла пирожки. И когда к ней ни пришли бы гости, она всегда всех усаживала за стол и на прощание всегда всех усаживала за стол и на прощание потом в качестве гостинца давала пирожки» (ИМС, И.А. Кобзева).

Нарративный потенциал семейных родословных велик, поскольку сама композиционная общность повествования о семейном древе допускает сюжетную фрагментарность. *«...Домой пришла похоронка, где сообщалось, что дедушка погиб. Но дедушка выжил, его без сознания, с оторванной рукой с поля боя подобрала санитары. Дедушка без руки работал столяром: делал табуретки, столы. Сейчас у нас на кухне стоит один табурет, который сделал дедушка. Мы каждый год красим его почему-то в голубой цвет и любим на нем сидеть» (ИМС [Здесь и далее: История моей семьи], Н.В. Покутнева).* Воспоминания о военных годах перекликаются с настоящим. Изложенная история характеризуется общей законченностью и целостностью. Каждый микронарратив имеет свою завязку, повествование и развязку. Стандартный набор структурных компонентов приближает семейные родословные к художественному тексту, хотя при этом наблюдается и ряд отличий: авторы родословных «забывают» о художественности, рассказывая тот или иной памятный эпизод, уважая, прежде всего, его «правду», реальность случившегося и соответственно реалистичность изложения. Отсюда вытекает и стремление к некоторой «отчужденности» изложения события, повествование в микронарративах обычно идет от 3-го лица. *«Однажды, когда дед еще был подростком, с ним случилась вот такая история. Нашел он как-то в поле, на дороге, баул с крупной суммой денег. Наверное, какой-то нерадивый счетовод потерял, когда ехал в город. Но не смог дед взять деньги себе. Понимал он, что человека этого может ждать тюрьма или расстрел. С большим трудом разыскал он его и вернул все до копейки. И почувствовал он даже гордость за себя» (ИМС, А.И. Некрасова).* Третьеличный нарратив позволяет нарратору быть всезнающим, что отражается на темпоральных характеристиках семейных родословных. В текстах семейных родословных мы можем говорить об ускоренном сюжетном времени. Повествователь в третьеличном нарративе [Попова 2007: 18] проявляется в том, что может перемещаться по временной оси передаваемых событий и в прошлое, и в будущее, что говорит об отсутствии темпоральных ограничений в текстах семейных родословных. Повествуя о том, что происходит с героями «сейчас», он может не только совершать экскурсы в прошлое, но и, забежав вперед, сообщить о будущем. При этом достоверность передаваемой информации не вызывает сомнений. В статье «Нарративные элементы в ранних произведениях Э. Мальбахова» исследователь З.З. Мизова отмечает, что развитие образа нарратора в раннем творчестве Мальбахова началось благодаря синтезу журналистских навыков автора и художественного таланта Э. Мальбахова [Мизова 2011: 197-199]. Благодаря достоверной передаче информации, то есть акценту на реалистичности повествования, что было не свойственно героической литературе о войне, автор выделяет писателя из ряда современников. Так и в текстах семейных родословных при всей их сказовости и разнообразии их тематики акцент ставится на реалистичности изложения и концентрации

событийного спектра. *«Вот и начались для Тани тяжелые времена. В сказке Ш.Перро принц женится на Золушке и история на этом заканчивается. В жизни же после свадьбы все только начинается. Так и случилось у нашей «брянской Золушки». После переезда всем семейством в «родовое гнездо» еще больше усилилось неприятие Татьяны родственниками Бориса. Злясь на Советскую власть за то, что пришлось расстаться со своими кирпичными заводами, всю ненависть и злобу они излили на Таню, как одного из представителей пролетариата. Но она, как верная христианка, была терпелива и все прощала. <...> Так бы и жила наша «брянская Золушка». Если бы не гражданская война. Борис ушел на фронт простым солдатом. Он часто писал письма. В основном жене. Это не могло не задеть родителей и других членов семьи, но и на этот раз очередное горе сблизило их»* (ИМС, М.А. Светова). Говоря об образе повествователя, отметим его способность видеть разные точки пространства и происходящие на них события в одно и то же время.

В художественных текстах о прошлом мы нередко узнаем из предисловного рассказа, входящего в дискурс повествователя. Предисловный рассказ представляет собой информационный тип речи, содержащий рассказ о событиях, совершающихся в течение длительного промежутка времени (от нескольких лет до столетия), и эти события изложены в укороченной форме. Микронарративы в семейных родословных, на наш взгляд, выполняют ту же функцию: кратко и лаконично передают информацию, которая охватывает большой отрезок времени.

При характеристике тематики микронарратива в текстах семейных родословных нельзя не отметить практически полное отсутствие средств художественной выразительности, таких как метафоры, сравнения, эпитеты, перифразы и под. *«Еще с ними в комнате жили клопы. Мыши и крысы. Яков много курил и когда ночью он зажигал спичку. Было видно, как клопы ходят по потолку толпами»* (ИМС, Е.А. Климчук). Мы видим изложение событий в той форме, которая наиболее полно отражает чувства рассказчика и не требует для этого дополнительных средств приукрашивания действительности. Свободная форма изложения текстов семейных родословных сама по себе фрагментарна и в большинстве случаев не предназначена для широкого круга слушателей либо читателей. Нельзя, однако, говорить и о полном, абсолютном отсутствии экспрессивных средств в нарративах. Это могут быть и сравнения: *наша квартира похожа на маленькую библиотеку*. Семейные родословные инкрустированы разговорными словами, просторечиями: *сызмальства, аккурат через три года, сердце захлаживает и т.д.* Язык семейных родословных синкретичен, потому и не требует изысков речи, как и всякая народная мудрость.

Действительно, в текстах семейных родословных немаловажное место занимают включенные рассказы, сюжетика которых при всем своем многообразии позволяет провести некоторую типологизацию. Это счастливый случай (знакомство): *«Только после Великой Отечественной войны он встретил свою судьбу, которая стала матерью его дочерям и родила ему еще трех сыновей»* (ИМС, Г. Курдюкова), воспоминания детства: *«Всегда у бабушки на столе были пышные пирожки, душистые вареники, а блины и оладьи просто таяли во рту. Я даже не успевала поговорить со своей любимой куклой Зиной»*

(ИМС, В.И. Алексеева), военная тематика: «У нее их было пятеро: четыре дочери и один сын. Когда началась война и прадедушка Семен добровольцем ушел воевать, прабабушка ушла из села вместе с беженцами», свидетельства физической или психологической стойкости дальнего родственника «Двенадцать операций он перенес в полевых условиях без наркоза, в результате три года провалялся по госпиталям. По-разному вели себя фронтовики-калеки, но дедушка был сильным духом», события, которые отразились на потомках, либо стали нравственными постулатами: «Но девочка, естественно, осталась незаконнорожденной, а в нашей крови появилась частичка некоего аристократизма. Может быть, поэтому в нашей семье всегда считалось, что человек должен всесторонне развиваться, получить хорошее образование», шуточные семейные легенды: «Есть легенда, что благодаря лысине, приобретенной после тифа в гражданскую войну, дедушку нашли, когда рядом взорвался снаряд и землей присыпало до этой самой лысины так, что видно было только ее» (ИМС, М.В. Довиаленко).

Предстоит разработка основных положений, характеризующих микронарративы в текстах семейных родословных. Сюжетика микронарратива в семейном древе многообразна, жанр семейных родословных позволяет включать в себя едва ли не любую информацию. В зависимости от содержания семейной хроники, мы можем говорить о различной позиции повествователя в тексте. Зачастую, нарратор является основным носителем информации, в каком-то роде он вездесущ и может перемещаться во временном и пространстве в любую точку пространства [Попова 2007]. И эти скачки во времени, ускоренность событий придают семейным преданиям фрагментарность. Но при этом, однако, не теряется логичность изложения, так как присущие тексту части наличествуют и здесь: завязка, повествование и развязка, но все они отличаются ускоренностью передачи времени.

Литература

1. Мизова З.З. Нарративные элементы в ранних произведениях Э. Мальбахова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2011. – С.197-199.

2. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы в 2-х ч. Ч. II. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. – 283 с.

3. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2-х тт. Т.1, А – М.– Белгород: Изд-во Белгородск.гос.ун-та, 2003. – 305 с.